

Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum
Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010

Pars VIII

Dissertationes sectionum:
Literatura, archeologica et historica

Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum
Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010

Pars VIII

Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica

Redegunt

Sándor Csúcs
Nóra Falk
Viktória Tóth
Gábor Zaicz

Borító: Kemény Márton
Fotók: www.btk.ppke.hu

ISBN 978-963-88954-0-0 Ö
ISBN 978-963-88954-8-6 (Pars VIII)

© Reguly Társaság, 2011

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОТВЕТЫ В ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Общественное и культурное положение и перспективы развития финно-угорских народов невозможно осмыслить вне исторического, в том числе, и археологического взгляда. Он сформировался позже, чем в языкознании и этнографии, и как любая другая наука развивался не только исходя из своих внутренних потребностей, но нередко под мощным воздействием вненаучных факторов. Вовлеченность археологии в социально-политические процессы вынуждает ученых считаться с этими внешними по отношению к науке факторами. Нередко темы, исследовательские приоритеты, концептуальные модели, да и само научное сообщество формировались как ответы на внешние по отношению к науке общественные, а зачастую политико-идеологические вызовы. Они ставят под вопрос сформировавшиеся в археологическом сообществе профессиональные ценности и нормы, концептуальные приоритеты, организацию исследований, подготовку археологических кадров, представления о ценности объектов археологического наследия финно-угорских народов.

Поэтому археология вынуждена обращать внимание на новые темы в ее историко-научном прошлом для понимания новаций в ее настоящем. Одна из таких тем – определение роли общественно-политических факторов в развитии финно-угорской археологии, в том числе и в локальном пространстве российской провинции. Их влияние было обозначено три столетия назад учеными экспедициями Академии Наук. Они и сегодня определяют развитие региональной археологии, в которой изучение этнической истории народов Урало-Поволжья, в том числе, финно-угорских, привело к созданию организационных форм, внутренней специализации археологии, способствовало ее интеграции в культурную и социальную системы региона. Осмысление этнической проблематики сделало финно-угорскую археологию в регионе востребованной обществом и государством и во многом способствовало развитию археологии.

Становление финно-угорской археологии как научного направления в России тесно связано с деятельностью государства. Поэтому финно-угорские археологические исследования в Урало-Поволжье коррелируются с его внутренней политикой.

В XVIII в. Урало-Поволжье – своеобразное пограничное поле – находившееся под контролем Российского государства, являлось неосвоенным в должной мере (демографически, экономически, политически) пространством. Ученые путешествия Академии Наук должны были снять эту проблему. Естественно, что они не были связаны с задачами археологического изучения. Но археология (как впрочем, и этнография) как направление исследования региона оказалась привлекательной для российского государства с точки зрения последующего

геополитического контроля над своей территорией. Игнорирование этнокультурного потенциала Урало-Повожского региона, населенного в те годы, главным образом, нерусским населением, не сделало бы успешной решение этой геополитической задачи.

Отсюда достаточно обстоятельные упоминания археологических объектов и первые раскопки в пределах Урало-Поволжья, попытки увязать их с историей народов, населявших регион. Они еще не носили характера целенаправленных полевых исследований, да и термин «археология» еще мало применим к этим единичным изысканиям Д.Г. Мессершмидта, П.С. Палласа, Н.П. Рычкова, И.И. Лепехина, И. Георги, Г.Ф. Миллера. Но в этом интересе к древностям – стремление максимально оценить потенциал империи с целью формирования политики в этом многонациональном регионе. Хотя, безусловно, в начальный имперский период развития археологии формирование интереса к ископаемым древностям финно-угорских народов шло медленными темпами.

Но с этого времени обозначилась важная особенность отечественной археологии – безусловное влияние государства на формирование ее организационных и концептуальных основ, в том числе и в провинции. Наметившись при Петре I, эта тенденция поддерживалась государством и в последующие годы, видевшими в изучении древней истории, археологии, этнографии один из инструментов для осуществления внутренней геополитики.

Геополитическое освоение государством пространства Российской империи предполагало разные формы и способы контроля над ним. В первой половине XIX в., главным образом, оно касалось Европейских губерний империи. В области развития археологических знаний оно выразилось в создании Губернских статистических комитетов (ГСК), подчиненных Министерству внутренних дел. Казанская (1835 г.), Пермская (1835 г.), Вятская губернии (1835 г.) стали своеобразными научными фронтами в области финно-угорской археологии (от англ. *frontier*; букв. – граница между освоенными и неосвоенными поселенцами землями). В Уфимской губернии ГСК был создан в 1866 г.

Образованным в каждой губернии ГСК вменялись в обязанность собирание и обработка данных о народонаселении; составление подробных описаний губерний, уездов и городов в различных отношениях. Этим правительство демонстрировало свои приоритеты в изучении имперского пространства. Но это породило и своеобразный романтический этнографизм, выразившийся не только в собирании этнографических сведений, но и изучении археологических памятников Урало-Поволжья.

Исследовательский ответ на геополитические задачи государства привел к тому, что в Урало-Поволжье на протяжении XIX – начала XX вв. был сформирован уникальный по своей научной значимости комплекс опубликованных источников по археологии, создана обширная научно-краеведческая библиотека, сформировались археологические коллекции, открыты местные музеи. Эта своеобразная форма государственного контроля над территорией стала значимой для региональной археологии, так как заложила основы местной исследовательской традиции, ориентированной на изучение этнографических, археологических особенностей народов, населявших регион. ГСК, будучи государственными учреждениями, позволяли проявить творческую

активность провинциальной интеллигенции. Начался процесс формирования кадров провинциальных археологов. Однако их деятельность во многом зависела от личностных качеств губернаторов.

В России постепенно сформировалось пространство, находившееся под контролем государства в области производства археологических работ. Так, в 1859 г. в структуре Министерства Императорского двора была создана Императорская Археологическая Комиссия.

Либерализация в России и последовавшая за ней модернизация стали новым общественным вызовом для урало-поволжской археологии. Параллельно созданию госструктур, имевших место в археологии, стали появляться общественные научные организации. Эмансипация личности, соединенная с чувством вины перед российским крестьянством вынудили наиболее просвещенные круги провинции археологически активно исследовать древнюю историю народов региона, чаще всего упоминаемых в исследованиях под названием «чудской культуры», «чудских древностей». Эта тематика становилась наиболее актуальной в среде научных обществ. Популярные идеи палеоэтнологии, внедрялись в сознание провинциальных исследователей, в частности, трудами А.А. Спицына, выделившего первые археологические культуры на Урале и связывавшего их с конкретными финно-угорскими народами.

Консолидировавшееся в провинции вокруг Казанского и Пермского Императорских университетов, Уральского Общества любителей естествознания (Екатеринбург-Пермь), Общества археологии, истории и этнографии (Казань), Общества изучения Прикамского края (Сарапул), многочисленных культурно-просветительских, образовательных обществ, стало формироваться археологическое сообщество. Оно активно формировало свои профессиональные нормы и ценности, вырабатывало методы, понятийный аппарат, нормы формальных и неформальных коммуникаций, издавало научную и методическую литературу. Однако следует помнить, что открытие научных обществ – было не только желанием локальной группы учредителей. Оно также коррелировалось с геополитическим взглядом государства и всегда осуществлялось с высочайшего одобрения.

Другой общенациональный орган стал создаваться в провинции с 1884 г. – губернские Ученые Архивные Комиссии (УАК). Они занимали промежуточное место между государственными учреждениями и научными обществами. Но окончательное решение об их создании исходило от Министерства Народного Просвещения. Причем, высшая власть сама определяла губернии, где должны были действовать первые УАК (Уфимская – 1887 г., Пермская – 1888 г., Вятская – 1904 г., Казанская – 1916 г.). Это свидетельствовало о представлениях власти об имперском пространстве и интерпретации научных данных для нужд государственной политики.

Конечно, не следует сводить сложный процесс структуризации археологии в российской провинции только к противопоставлению государственных и частных инициатив. Значительную роль играл интерес общества к прошлому, уровень развития наук о древностях, традиции создания общественных структур, наличие личностей, заинтересованных в развитии археологии. Но роль государства, которое стремилось интенсифицировать познание прошлого

вначале в этнополитическом ядре, а позднее за его пределами, нельзя сбрасывать со счетов. Так же как и стремление национальных окраин к утверждению собственной идентичности. Факты свидетельствуют о достаточно тесной связи между внутренней имперской геополитикой и историей создания научных структур, связанных с археологией. Об этом свидетельствует и проведение в 1874 г. в Казани Археологического съезда Московским археологическим обществом, а так же несостоявшиеся планы по проведению такого съезда в Перми в 1917 г.

Борьба за доминирование между имперским (русским) началом и местными регионально-национальными устремлениями привела в Урало-Поволжье к складыванию плюралистической системы частных и государственных учреждений, которая была сметена революцией 1917 г.

Действовавшая по инерции в первые послереволюционные годы система научных обществ, дополнялась на основе того же разрешительного принципа созданием новых краеведческих научных обществ, приоритетом в деятельности которых стали задачи изучения древней истории финно-угорских народов региона. Этногенетическая проблематика оказалась особенно значимой для общественно-политических задач. Изучение археологических памятников финно-угорских народов в 1920-е гг., демонстрация через образцы ископаемой материальной культуры их реальных исторических истоков и особенностей стали важным политическим ресурсом в борьбе за социальные и политические права финно-угорских народов. Особенно это касалось средневековых древностей. Не случайно, Главнаука, организуя региональные исследования в Урало-Поволжье, в качестве своих первоочередных задач ставила археологическое изучение средневековых и поздних памятников, в особенности, могильников, с тем, чтобы воедино увязать археологическую и этнографическую историческую линию развития финно-угорских народов Урало-Поволжья.

В 1930-е гг. и последующие годы государственная политика в области развития археологии в регионах привела к ущемлению местной инициативы, к мощной централизации в управлении археологией, хотя предпринимались и центростремительные шаги: одним из них было создание научно-исследовательских институтов на местах (например, в Удмуртии). Но, не имея собственных научных кадров, средств, а зачастую и исследовательских традиций, регионы оказались в археологическом изучении зависимы от АН СССР. Старые университеты в Перми и Казани в своих программах не предусматривали подготовки археологов, а новые пединституты не были связаны с исследовательской деятельностью вообще.

В СССР в условиях становления тоталитарного государства были изменены представления об истории народов в древности, они отчасти были деформированы под воздействием сменявшихся идеологических парадигм их автохтонного или миграционного происхождения. Свое влияние оказала монополия марксистской методологии исторического познания. Нерегулярные раскопки, проводимые археологами столичных учреждений в провинции, не могли дать массового источника по этнической истории финно-угорских народов Урало-Поволжья, который требовался, исходя из реализации идеи материалистического понимания истории и повсеместно реализовывавшегося комплексного метода. Создание монографических исследований,

обосновывавших схемы культурно-исторического развития финно-угорских народов в древности, стало уделом столичной историографии (А.П. Смирнов, А.В. Збруева).

Робкое оживление местной традиции также не без влияния внешних, политических факторов произошло в первые послевоенные годы благодаря тому, что в Перми удалось привлечь к подготовке местных кадров оказавшегося на Урале О.Н. Бадера. Создание первой в провинциальном университете СССР специализации по археологии позволило ученому за короткое время подготовить плеяду молодых и перспективных археологов, с именами которых до сих пор связано развитие этногенетических исследований в Урало-Поволжье (В.Ф. Генинг, В.А. Оборин, Г.И. Матвеева, Н.А. Мажитов). Ни до, ни после О.Н. Бадера квалификация «научный работник» ни присваивалась выпускникам исторических факультетов на Урале. Трудно сказать, каким образом государство решилось на такой шаг. Но он принес свои плоды. В результате осуществлялись широкие раскопки и разведки, были созданы культурно-исторические схемы развития региона, позволившие наметить взгляд на этническую историю народов Урало-Поволжья. В 1950–60-е гг. он нашел свое отражение в выделении новых археологических культур, создании серии «Очерков по истории...» отдельных регионов Урало-Поволжья, первых научных музейных экспозициях по истории финно-угорских народов в местных краеведческих музеях. Правда, их содержание жестко регламентировалось марксистскими положениями о развитии первобытного общества, а археологические источники нередко выступали в качестве иллюстрации к ним.

Задачи внутренней геополитики в СССР привели в 1970-е гг. к созданию сети университетов в Урало-Поволжье. Они стали реализовывать важнейшую задачу государства: воспроизводство местных квалифицированных кадров. Программы подготовки археологов в университетах позволили за короткий промежуток времени создать плодотворно работающие научные коллективы (Екатеринбург, Пермь, Казань, Уфа, Ижевск, Сыктывкар, Йошкар-Ола, Самара), способные решать сложные исследовательские задачи, осуществлять систематические раскопки. 1970–80-е гг. – расцвет полевых археологических исследований. Этногенетическая тематика стала ведущей в урало-поволжской археологии, что отражало важный социальный заказ в многонациональном регионе страны.

Ответом научного сообщества на «смягчение» государственного контроля над наукой в 1980-е гг. стало создание ряда этногенетических концепций финно-угорских народов, которые не иллюстрировали основные положения марксизма, а индуктивно выводились из полученных археологических источников. Эти концепции зачастую противоречат друг другу, исходят из разных исходных посылок, по-разному «переводят» текст археологического источника. Позднее, в 1990-е гг., они воплотились в весьма удачные монографические обобщения по этногенезу отдельных финно-угорских народов, созданных археологами, и нашедших государственное и общественное признание (Голдина Р.Д. «Древняя и средневековая история удмуртского народа»; Археология Республики Коми; Иванов В.А. «Откуда ты, мой предок?»).

В связи с превращением России в федеративное государство в постсоветские годы все более заметную роль в развитии и поддержке науки стали играть регионы России. С одной стороны, новые административные структуры остро

нуждались в квалифицированных профессионалах, с другой – решение местных проблем требовало высококвалифицированных специалистов, хорошо знающих не только новейшие достижения науки, но и местные особенности и ресурсы. Правда, в начале 1990-х гг. социально-политический кризис в России привел к упадку престижа труда археолога. Но археологическое сообщество постепенно адаптировалось к новым вызовам. С распадом СССР и уходом государственной идеологии в прошлое изменилась интеллектуальная ситуация в науке.

Смягчение государственного давления на науку, привело к тому, что стало активно происходить освоение археологами опыта, в первую очередь методологического, в научном пространстве мировой науки. Оно позволило создать значительные труды, в том числе и монографические, на основе археологических источников, исследовать археологию финно-угорских народов как особый культурный мир. Важнейшим шагом в этом направлении стало создание исторических трудов: «Древняя и средневековая история удмуртского народа» Р.Д. Голдиной, «История Удмуртии с древнейших времен до XV в.».

В современных условиях государство, возвращая себе функцию управления наукой, ставит новые задачи перед археологией. Возникает важная проблема соотношения национальной истории России с национальными историями ее конкретных народов, опирающимися, в том числе, на археологические источники.

Как финно-угорская археология впишется в этот дискурс в том числе будет зависеть от складывающихся взаимодействий между наукой и обществом, наукой и государством. Исторически государство предпринимало целый ряд шагов в реализации своих прагматических интересов, которые по-разному сказались на развитии археологии финно-угорских народов. Осмыслить их – задача истории и историографии археологии, решение которой необходимо в едином в пространстве финно-угорского мира общими усилиями археологов. Это важно в исследовательском и в образовательном плане в связи с возможностями формирования совместных образовательных программ подготовки археологов.